DOI: 10.26907/2074-0239-2021-66-4-150-156
УДК 82-992

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОГО ТРАВЕЛОГА: ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО ВОЛГЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

© Мария Александрова

GENESIS OF THE SOVIET TRAVELOGUE: GUIDEBOOKS TO THE VOLGA IN THE EARLY 20TH CENTURY

Maria Aleksandrova

The study of the travelogue as a historical source is carried out in the context of representation of the province artistic images, the Volga and Russia. The objects of our research are pre-revolutionary and Soviet guides to the Volga, chosen as a representative tourist destination. The factors that influenced the formation of Soviet travelogues are identified based on the comparison of the techniques of modeling the travel space in the imperial and Soviet discourse. The article discusses approaches to the study of travelogues in modern science and the history of Russian and Soviet guidebooks as a means for representing the socio-cultural space. The article examines characteristic features of guidebooks and travelogues in the early 20th century in the context of their influence on the specifics of Soviet guidebooks as phenomena of mass culture. Key trends in the development of the Soviet guide are identified: standardization, popularization of scientific knowledge, depersonification of the author, emphasis on ideologically sought-after dominants of urban space. The article highlights the interrelation of the key texts in terms of the problem under study – the guidebooks by N. Bogolyubov, A. Beschinsky, G. Moskvich, V. Gilyarovsky, A. Subbotin and P. Kritsky, revealing the general content and stylistic features of Soviet guidebooks and travelogues of the 1920s - 1930s (M. Gorky, I. Ilf, E. Petrov). We describe the role of the guidebook in creating a new system of cultural landmarks, relevant for the Soviet state and localized in the travel space.

Keywords: travelogue, Volga, Soviet culture, guidebook, travel, province.

Исследование путеводителя как исторического источника осуществляется в контексте репрезентации художественных образов провинции, Волги, России. В качестве объектов исследования представлены дореволюционные и советские путеводители по Волге, выбранной в качестве репрезентативной и значимой туристской дестинации. На основе сопоставления приемов и средств моделирования пространства путешествия в имперском и советском дискурсах выявляются факторы, повлиявшие на становление советского травелога. В статье рассматриваются подходы к исследованию травелога в современной отечественной гуманитарной науке, история развития российского и советского путеводителя как инструмента репрезентации социокультурного пространства. Исследованы черты, характерные для дореволюционного путеводителя и модернистского травелога начала XX века в контексте их влияния на формирование специфики советских путеводителей как феноменов массовой культуры. Выявлены и проанализированы ключевые тенденции в развитии советского путеводителя: каноничность, популяризация научного знания, деперсонификация автора, акцентирование идеологически востребованных доминант городского пространства. Установлена взаимосвязь и преемственность ключевых для исследуемой проблемы текстов – путеводителей и путевых очерков Н. Боголюбова, А. Бесчинского, Г. Москвича, В. Гиляровского, А. Субботина, П. Критского, выявлены общие содержательные и стилистические особенности советских путеводителей и травелогов 1920–30-х гг. (М. Горький, И. Ильф, Е. Петров). Отмечена роль путеводителя в создании новой системы культурных ориентиров, актуальных для молодого советского государства и локализованных в пространстве путешествия.

Ключевые слова: травелог, Волга, советская культура, путеводитель, путешествие, провинция.

Анализируя пространственные структуры советской повседневности, мы обращаемся к травелогам и путеводителям как к текстам, фиксирующим не только определенные досуговые

практики, но и актуальные механизмы репрезентации территорий, набор связанных с ними художественных образов. Путеводитель как текст и элемент культуры в значительной степени моде-

лирует пространство путешествия, отражая при этом специфику эпохи. В данном исследовании мы стремимся выявить истоки и предпосылки становления советского травелога, определить в какой степени он является преемником травелога дореволюционного, установить, какие факторы и тенденции повлияли на его специфику.

Волга в данном случае выступает репрезентативной локацией: во-первых, в силу наличия достаточно большого объема волжских текстов-путешествий, во-вторых, как одна из традиционных дестинаций массового туризма в Российской империи и Советской России, а в-третьих, как пример репрезентации российской провинции в наиболее всеобъемлющем ее смысле – как совокупность малых и больших городов, методов хозяйствования и практик повседневности, сочетания различных укладов и культур. Само путешествие по Волге – крупнейшей реке Европы от истока до устья – это еще и пример имперской коннотации, характерной и для царской, и для советской России.

В связи с относительно недавним появлением термина «травелог» в российском научном дискурсе, формирование общей теории травелога Нового времени является сегодня актуальной задачей. За последние 20 лет (мы ведем отсчет с актуализации данного термина в работе А. Эткинда [Эткинд]) определение травелога остается неоднозначным. В частности, В. М. Русаков, а также других ряд сибирских, пермских, тверских исследователей относят к жанру травелога широкий круг текстов о путешествиях от научных и методических до художественных произведений и медиаформатов, при этом сами описываемые путешествия могут быть как реальными, так и мысленными, вымышленными, планируемыми [Русаков]. Ряд исследователей [Милюгина, Строганов] относят травелог к документальным жанрам, другие предлагают считать травелог особым жанровым образованием, сочетающим документальность с вымыслом и другими проявлениями литературности [Пономарев]. При этом использование термина «травелог» акцентирует выход за рамки описательного географического нарратива, предполагающий идеологическую деконструкцию травелога как метатекста.

Исходя из целей настоящего исследования, представляется важным выделить в качестве ориентиров следующие определения травелога: широкое – «форма субъективно-творческого освоения действительности» [Русаков, с. 304] и более узкое – «текст, созданный по следам реальной поездки, в котором маршрут становится основным фактором, влияющим на композицию и смыслы произведения» [Пономарев, с. 563].

В этой же связи, подчеркивая, что травелог и путеводитель не являются синонимами, отметим, что ряд классификаций рассматривает путеводитель как один из видов травелога, в то время как другие авторы указывают на разграничение и даже противоположность этих понятий. Водораздел здесь можно провести по нескольким признакам: наличие фигуры автора и личной истории, наличие сюжета, систематизация материала, ориентация на целевую аудиторию и ряд других. Предполагая, что в каждом конкретном случае и временном периоде сходство и различие этих понятий будет варьироваться, отметим, что для рубежа XIX–XX веков путеводители стали актуальным феноменом массовой культуры, формируя для новой, более обширной аудитории новые практики репрезентации и освоения пространства, в значительной степени повлиявшие на формирование специфики советского травелога, ориентированного в силу ряда идеологических причин на массового читателя.

К началу XX века туризм (и в значительной степени – речной волжский круизный туризм) уже приобретает характер распространенной практики досуга для широких масс населения. Путеводитель как жанр создает необходимую интеллектуальную базу для подобных практик, предлагая туристу доступную, неглубокую, но достаточную, удобно упакованную информацию, задает ориентиры и фактически конструирует осваиваемое пространство и имидж территории из акцентируемых достопримечательностей, ценностей и смыслов. В отличие от травелога, путеводитель создает пространство упорядоченное, ранжированное, фиксируя не процесс, но заданный результат освоения территории. В соответствии с тенденциями массовой культуры он ориентирует не на осмысление и освоение, но на потребление территории.

Исследователи отмечают, что при этом, в случае с российской провинцией, развитие жанра путеводителя, заимствующего европейский опыт, во многом опережало степень и скорость развития самого пространства [Рудинская]. Зачастую именно путеводители формировали тот реестр знаковых мест и элементов исторической памяти провинциального города, который впоследствии культивировался в туристских практиках и повседневной жизни. Таким образом, предлагаемая компиляция научных и обыденных, достоверных и вымышленных фактов, письменных и устных источников, со временем превращалась в каноническую схему сжатого рассказа, бытующего в территориальном социуме и передающегося новым поколениям. Сопоставление путеводителей, изданных в середине

XIX века, с путеводителями 1910-х годов не выявило серьезных различий в содержании того, что помнили, что репрезентировали в качестве обязательного набора памятных дат и событий представители среднего класса.

При этом отметим и параллельную тенденцию: именно путеводители во многом выступали инструментом фиксации результатов активизировавшегося краеведческого движения в российской провинции, наблюдавшегося с конца XIX века. Акцентирование региональной идентичности в период либеральных реформ породило новые формы патриотичности и общественной деятельности для провинциальной интеллигенции, такие как изучение и популяризация истории. Локальные «опыты родиноведения» (мы пользуемся метким выражением ярославского краеведа Петра Критского [Критский]) становились достоянием масс именно в жанре путеводителя – как наиболее практико-ориентированной и востребованной. Значительная роль по «формированию у населения страны вдумчивого отношения к окружающему миру» в начале XX века отводится особой практике путешествия-экскурсии как форме культурного досуга и образовательной деятельности. Начиная с 1914 года в Ярославле издается первый в провинции специализированный туристский журнал «Русский экскурсант», на страницах которого публиковались методические разработки экскурсий и описания состоявшихся путешествий, предпринятых энтузиастами экскурсионного движения [Огурцов, с. 4]. Это лишь один из примеров, необходимый нам для констатации характерной тенденции периода: описание путешествия подчиняется задачам образования, воспитания, популяризации науки.

Зафиксируем и еще одну, казалось бы, очевидную, черту путеводителя начала XX века – тенденцию к деперсонализации автора. В модернистских травелогах российских акцентированы впечатления и «беглые взгляды», пространств и процесс путешествия зачастую понимается символически, метафорически. Например, для Василия Розанова в сборнике путевых очерков «Мимолетное» свидетельства провинциального быта служат частные истории, услышанные им в пути, Волга предстает «русским Нилом», наталкивая на размышления о язычестве [Грубель, с. 69–72].

Безусловно, путеводитель начала XX века, являясь феноменом массовой культуры, представляет совершенно иной текст. Однако автор заметен и здесь, он говорит с читателем, мотивирует, используя художественные образы и увлекательные сюжеты. К примеру, невзрачные детали речного пейзажа в окрестностях Костромы

становятся поводом для эмоциональных рассуждений о бурлацкой доле:

«в былые времена на этом именно камне происходило посвящение в бурлачество новичков-лямочников. Обряд посвящения был незатейлив, груб и жесток...» [Бесчинский, с. 106–107].

В иных случаях автор позволяет субъективные и даже не вполне этичные реплики. Григорий Москвич, основатель издательства «Русский Бедкер», описывая уездный город Мышкин выносит краткий приговор:

«Культуры здесь нет, так же, как и достопримечательностей. Несколько улочек и площадей утопают в грязи и вызывают томящее чувство подавляющей скуки» [Москвич, с. 115].

Путеводители начала XX века представляют удивительный сплав восторженных описаний, частных поверхностных суждений, местных легенд и точных статистических сведений вплоть до перечня прибывающих судов с указанием тоннажа и типа груза, следуя традиции, заложенной популярными путеводителями «Волга от Твери до Астрахани» братьев Н. П. и А. П. Боголюбовых [Боголюбов], «Волга и волгари» экономиста А. П. Субботина [Субботин]. В публицистике конца XIX века мы встречаем сходные тенденции: в «Очерках современной России» журналиста И. И. Колышко [Колышко] три волжские губернии – Тверская, Ярославская и Костромская – предстают в первую очередь как «пространство хозяйствования» [Милюгина, Строганов, с. 40], при этом стремление к объективности сочетается здесь с эмоциональностью и тенденциозностью, проявляющейся в выборе сюжетов и персонажей, готовности автора обнаружить заранее известные черты, «присущие» российской провинции.

Отметим, что туристические путеводители по Волге под редакцией А. Бесчинского, Г. Москвича, В. Гиляровского [Гиляровский], сами по себе неоднократно издававшиеся, нередко копировали описания энциклопедического издания М. О. Вольфа «Живописная Россия» в 12 томах, издававшееся на рубеже XIX–XX веков [Вольф]. При этом даже по сравнению с более ранними аналогами степень деперсонализации автора заметно возрастает, не говоря уже о сравнении с волжскими текстами-приключениями Александра Дюма [Dumas] и Теофиля Готье [Gautier]. В путеводителе начала XX века автор фактически занимает одну точку обзора с читателем, выступая типичным туристом – столичным жителем среднего класса, способным судить о провинции и

интересоваться ей с позиций столичного культурного опыта.

Рассмотрим, как перечисленные черты дореволюционного путеводителя трансформировались в волжских текстах первых десятилетий советской власти.

В 1925 году Волжским государственным пароходством и НКПС осуществляется выпуск издания «Поволжье. Природа. Быт. Хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой» – результата работы большого научного коллектива под ред. В. П. Семенова Тян-Шанского [Поволжье]. Оформленный как путеводитель, солидный труд с картами, схемами и таблицами преследует цель *«дать в небольшой книжке широким трудящимся массам представление об особенностях природы, быта разноплеменного населения и хозяйства Поволжья. Потребность эта никогда не ощущалась так остро, как теперь»* [Поволжье, с. 6].

Путеводитель, многократно переиздававшийся во второй половине 1920-х гг., содержит очерки о природе – от гидрологии и геологии до флоры и фауны, этнографические очерки с картами и статистикой, очерки об истории Гражданской войны на Волге и развитии Волжского пароходства, обширный справочник с расписанием и тарифами движения судов, примерные маршруты с детальным описанием средств передвижения, возможных вариантов пересадок и «бытовыми» ремарками: *«использование недельного отпуска», «остановка в Жигулях для тех, кто не боится неудобств»* [Там же, с. 625–628].

Опыт столь масштабного энциклопедического издания о Волге прямо опирается на опыт «Живописной России» Вольфа, выпускавшейся под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского. Отметим, что в авторский коллектив советского путеводителя 1925 года вошли двое его сыновей. Схема, по которой построен раздел «Маршрутные описания», базируется на традиционной структуре дореволюционных путеводителей. При этом мы можем заметить некоторую неопределенность в стиле подачи: стремление к популярности изложения в исторических экскурсах борется с сухостью и чрезмерной детализацией описания промышленного потенциала городов и некоторой клишированностью описаний архитектурных памятников.

Здесь отметим еще одну важную для нас черту. В 1920-е годы сложившийся реестр ориентиров-достопримечательностей явно нуждается в пересмотре. Так, здесь еще иногда фигурируют храмы – исключительно как *«любопытные образчики»* определенного стиля или *«исключительные памятники»* народного зодчества.

Очень интересен подход к эпизодам дореволюционной истории: здесь упоминаются князья, патриархи, отшельники как естественные и понятные читателю исторические деятели, но, как правило, скупое, беглое, без традиционных и, казалось бы, ожидаемых читателем эпитетов, характеристик, описаний. Например, по сравнению с путеводителем Бесчинского, в описании Казани нет ни дракона Зиланта, ни легенды о «Сумбекиной башне», нет даже упоминания о Иване Грозном [Там же, с. 416–423].

При этом культурная карта новой, советской истории в 1920-е годы еще переживает процесс своего оформления. В путеводителе по Волге мы отмечаем редкие памятники В. И. Ленину, К. Марксу, музей шлиссельбуржца Н. А. Морозова в Мологе. Кострома и Нижний Новгород пока еще не актуализируют народных героев Ивана Сусанина и Кузьму Минина. Даже в описании Ульяновска информация о В. И. Ленине занимает две строчки [Там же, с. 427].

Новый набор канонических мест памяти сложится уже в 1930-е годы и зафиксируется к середине XX столетия. Это отразится как в наименованиях самих волжских городов, так и в их облике. Интересно отметить, что храмы, замалчиваемые путеводителями, в это время исчезают и из реального пространства волжских городов – по крайней мере, в качестве узнаваемых доминант, а нередко и фактически.

Фиксация новых, идеологически востребованных объектов культурного пространства и корректировка традиционно сложившегося облика городов методом исключения из списка достопримечательностей значимых прежде памятников свидетельствуют о формировании стратегий и механизмов конструирования пространства путешествия.

К 1953 году в путеводителе «Волга. Магистраль пяти морей» [Волга], новая система доминант (заводские трубы, очаги советской культуры, памятник борцам революции) уже сложилась, нам заранее предустановлены имидж и миссия каждого города, выступающего соответствующим примером развития одной из отраслей народного хозяйства. Автор путеводителя, как и в издании 1925 года, деперсонифицирован (в предисловии лишь упоминаются «подготовивший текст к печати» журналист и путешественник, популяризатор географии Г. Кублицкий, архитектор Р. Якубов, научный редактор В. Покишевский [Там же, с. 4]). Текст, предлагаемый читателю, написан от лица коллектива, порывая с традицией «авторских» путеводителей Владимира Гиляровского или Григория Москвича. Автор в советском травелогe отождествляется с чи-

тателем – трудящимся советским человеком. Однако, как и в популярных дореволюционных путеводителях, предполагаемый читатель осваивает пространство провинции взглядом «из центра», с позиций столичного жителя.

Путеводитель 1953 года, многократно переиздававшийся и цитируемый в последующих изданиях середины XX века, во многом определил стиль и структуру волжского травелога советского периода. В данном контексте можно отметить, что вслед за путеводителями новые тенденции перенимают и путевые очерки. И. Ильф и Е. Петров в очерке «Ярославль перед штурмом» нивелируют прежнюю систему доминант, сравнивая купола храмов с пучком редиски, отмечают:

«Только красные колонноподобные фабричные трубы спасают городской пейзаж от налета средневековья. Пока что на каждую церковь приходится по трубе. Но пятилетка нарушит это состояние равновесия в пользу труб, а не колоколен» [Ильф, Петров, с. 8].

При этом в очерке прямо указывается на новый центр города – фабрику «Красный Перекоп», где отныне происходят все актуальные события городской жизни: город Ярославль находится сейчас не в городе Ярославле, а по соседству... Купцы не строили там церквей (одна-две – и обчелся). И портфеленосцев там немного. Город этот – «„Красный Перекоп“, текстильная фабрика, одна из самых больших в Советской стране» [Там же, с. 9]

Максим Горький в цикле очерков «По Союзу Советов» [Горький], публиковавшемся в журнале «Наши достижения» в течение 1929 года, фактически использует приемы путеводителя, строя повествование по универсальному для каждой локации шаблону «прибытие – воспоминание – беседа с местными жителями – вывод», используя характерные для советского травелога оппозиции «тогда vs. теперь», «стихийно vs. сознательно». Важнее и то, что сам автор (несмотря на известность) здесь также исчезает как физический, телесный субъект путешествия, сливаясь с коллективным читателем – советским человеком. Еще одно важное наблюдение исследователь данного цикла очерков А. Гуски делает в отношении процесса конструирования пространства: реальность пространства путешествия поглощается пространством воспоминания и потенциальной возможности [Гуски, с. 179]. По выражению М. Балиной, «в травелогах 1930-х годов путевой хронотоп продолжает служить организационным элементом жанра, но перестает быть его структурной основой. В путевом очерке те-

перь все подчинено одному мифу – мифу творения» [Балина, с. 898].

В 1930-е годы «литература факта» уступает место описанному процессу творения мифа. Вместе с тем, уже в заключение, отметим и еще один аспект: краеведческий, научно-популярный контекст путеводителя как инструмента сохранения культурной памяти вновь выйдет на первый план уже во второй половине XX века, на долгое время определив содержание путеводителей и советских травелогов – от путешествия Юрия Бычкова и Бориса Носика по «Золотому Кольцу России» до масштабных серий, принимаемых издательством «Искусство» в 1960–70-е гг.

Лишь в постсоветский период путеводитель как феномен вновь переживает смену парадигм, конструируя новое пространство путешествия и предлагая новые стратегии в репрезентации социокультурного пейзажа волжского города.

Статья выполнена по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность».

Список литературы

- Балина М. Литература путешествий // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 896–909.
- Бесчинский А. Путеводитель по Волге. М.: Т-во И. Н. Кушнерова и К, 1903. 384 с.
- Боголюбов Н. П. Волга от Твери до Астрахани. СПб.: Изд. П. О. «Самолет», 1862. 415 с.
- Волга. Магистраль пяти морей. М.: Речиздат, 1953. 486 с.
- Вольф М. О. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т. 1. СПб.: Тов. М. О. Вольф, 1881. 492 с.
- Гиларовский В. А. Волга. Путеводитель по городам России. М.: АСТ, 2009. 255 с.
- Горький М. По Союзу Советов // Горький А. М. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 17: Рассказы, очерки, воспоминания. 1924–1936. М.: Худож. лит., 1952. С. 113–232.
- Грюбель Р. «Мимолетное»: антропологические и этнологические странствия Василия Розанова по неизвестным просторам России // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 58–82.
- Гуски А. Наставник в пути. Путевые записки Максима Горького «По Союзу Советов» // Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 169–180.

Ильф И., Петров Е. Ярославль перед штурмом // Чудак. 1929. № 37. С. 8–9.

Кольишко И. И. Очерки современной России. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1887. 530 с.

Критский П. А. Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения. Ярославль: Типолитография Губернской земской управы, 1907. 309 с.

Милиюгина Е. Г., Строганов М. В. Принципы изучения «тверских» травелогов XVI–XX веков. Вестник ТвГУ. Серия: Филология. Тверь, 2011. Вып. 3. С. 37–43.

Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. Одесса: Техник, 1905. 646 с.

Огурцов Н. Г. Цель и задачи «Русского экскурсанта» // Русский экскурсант. № 1. Ярославль, 1914. С. 3–5.

Поволжье. Природа, быт, хозяйство. Путеводитель по Волге, Оке, Каме, Вятке и Белой. Под ред. проф. В. П. Семенова-Тян-Шанского Л.: Изд. Волжского государственного пароходства и транспечати НКПС, 1925. 636 с.

Пономарев Е. Р. Травелог vs. Путевой очерк. Постколониализм российского извода // Новое литературное обозрение. 2020. № 6 (166). С. 562–580.

Русаков В. М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс Пи. 2013. № 12. С. 304–306.

Руцинская И. И. Путеводитель как феномен массовой культуры. Образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX века. М.: Ленанд, 2014. 285 с.

Субботин А. П. Волга и волгари. СПб.: Тип. В. Демакова, 1894. 160 с.

Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

Dumas A. De Paris à Astrakan, nouvelles impressions de voyage. Paris, 1865. 195 p.

Gautier T. Voyage en Russie. Paris, 1867. 293 p.

References

Balina, M. (2000). *Literatura puteshestvii* [Travel Literature]. Sotsrealisticheskii kanon. Pp. 896 – 909. St. Petersburg, Akademicheskii proekt. (In Russian)

Beschinskii, A. (1903). *Putevoditel' po Volge* [Guide to the Volga]. 384 p. Moscow, T-vo I. N. Kushnereva i K°. (In Russian)

Bogoliubov, N. P. (1862). *Volga ot Tveri do Astrakhani* [The Volga from Tver to Astrakhan]. 415 p. St. Petersburg, Izd. P. O. “Samolet”. (In Russian)

Dumas, A. (1865). *De Paris à Astrakan, nouvelles impressions de voyage* [From Paris to Astrakhan, New Travel Impressions]. 195 p. Paris. (In French)

Etkind, A. (2001). *Tolkovanie puteshestvii. Rossiia i Amerika v travelogakh i intertekstakh* [Interpretations of Travel. Russia and America in Travelogues and Intertexts]. 496 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Gautier, T. (1867). *Voyage en Russie* [Travel to Russia]. 293 p. Paris. (In French)

Giliarovskii, V. A. (2009). *Volga. Putevoditel' po gorodam Rossii* [Volga. Guide to the Cities of Russia]. 255 p. Moscow, AST. (In Russian)

Gorki, M. (1952). *Po Soiuzu Sovetov* [Across the Union of Soviets]. Gorky A. M. Sobranie sochinenii. In 30 volumes. Vol. 17, pp. 113–232. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Grubel, R (2010). “*Mimoletnoe*”: antropologicheskie i etnologicheskie stranstviia Vasiliia Rozanova po neizvestnym prostoram Rossii [“The Fleeting Moments”: Anthropological and Ethnological Wanderings of Vasily Rozanov in the Unknown Spaces of Russia]. Beglye vzglyady. Novoye prochtenie russkikh travelogov pervoi treti XX veka. Pp. 58–82. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Guski, A. (2010). *Nastavnik v puti. Putevyie zapiski Maksima Gor'kogo “Po Soyuzu Sovetov”* [Mentor on the Way. Travel Notes of Maxim Gorky “Across the Union of Soviets”]. Beglye vzglyady. Novoye prochtenie russkikh travelogov pervoi treti XX veka. Pp. 169 – 180. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

Ilf, I., Petrov, E. (1929). *Iaroslavl' pered shтурмом* [Yaroslavl before the Assault]. Chudak. No. 37, pp. 8–9. (In Russian)

Kolyshko, I. I. (1887). *Ocherki sovremennoi Rossii* [Essays on Modern Russia]. 530 p. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za. (In Russian)

Kritskii, P. A. (1907). *Nash kraj. Iaroslavskaiia guberniia. Opyt rodinovedeniia* [Our Land. Yaroslavl Province. Homeland Studies Experience]. 309 p. Iaroslavl, Tipolitografiia Gubernskoi zemskoi uprav. (In Russian)

Miliugina, E. G., Stroganov, M. V. (2011). *Printsipy izucheniia “tverskikh” travelogov XVI–XX vekov* [Principles of Studying “Tver” Travelogues of the 16th–20th Centuries]. Vestnik TvGU. Series, Philology. Tver. No. 3, pp. 37 – 43. (In Russian)

Moskvich, G. G. (1905). *Illustrirovannyi prakticheskii putevoditel' po Volge* [Illustrated Practical Guide to the Volga]. 646 p. Odessa, Tekhnik. (In Russian)

Ogurtsov, N. G. (1914). *Tsel' i zadachi “Russkogo ekskursanta”* [Purpose and Objectives of the “Russian Excursionist”]. Russkii ekskursant. No. 1, pp. 3 – 5. Iaroslavl. (In Russian)

Povolzh'e. Priroda, byt, khoziaystvo. Putevoditel' po Volge, Oke, Kame, Viatke i Beloi (1925) [Volga Region. Nature, Everyday Life, Economy. Guide to the Volga, Oka, Kama, Vyatka and Belaya]. Ed. prof. Semenov-Tian-Shanskii V. P. 636 p. Leningrad, izd. Volzhskogo gosudarstvennogo parokhodstva i transpечати NKPS. (In Russian)

Ponomarev, E. R. (2020). *Travelog vs. Putevoi ocherk. Postkolonializm rossiiskogo izvoda* [Travelogue vs. Travel Sketch. Postcolonialism of the Russian Version]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. No. 6 (166), pp. 562–580. (In Russian)

Rusakov, V. M. (2013). *Mногообразие видов i zhanrov traveloga* [Diversity of Types and Genres of a Travelogue]. Diskurs Pi. No 12, pp. 304–306. (In Russian)

Rutsinskaia, I. I. (2014). *Putevoditel' kak fenomen massovoi kul'tury. Obrazy rossiyskikh regionov v*

provintsial'nykh putevoditelyakh vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka [Guidebook as a Phenomenon of Mass Culture. Images of Russian Regions in Provincial Guidebooks of the Second Half of the 19th - Early 20th Centuries]. 285 p. Moscow, Lenand. (In Russian)

Subbotin, A. P. (1894). *Volga i volgari* [The Volga and the Volgars]. 160 p. St. Petersburg, Tip. V. Demakova. (In Russian)

Volf, M. O. (1881). *Zhivopisnaia Rossiia* [Picturesque Russia]. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. T. 1. 492 p. St. Petersburg, Tov. M. O. Volf. (In Russian)

Volga. Magistral' piati morei (1953) [The Highway of Five Seas] 486 p. Moscow, Rechizdat. (In Russian)

The article was submitted on 15.09.2021

Поступила в редакцию 15.09.2021

Александрова Мария Вячеславовна,
кандидат исторических наук,
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
150000, Россия, Ярославль,
Республиканская, 108/1.
msheleh@mail.ru

Aleksandrova Maria Vyacheslavovna,
Ph.D. in History,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
108/1Respublikanskaya Str.,
Yaroslavl, 150000, Russian Federation.
msheleh@mail.ru